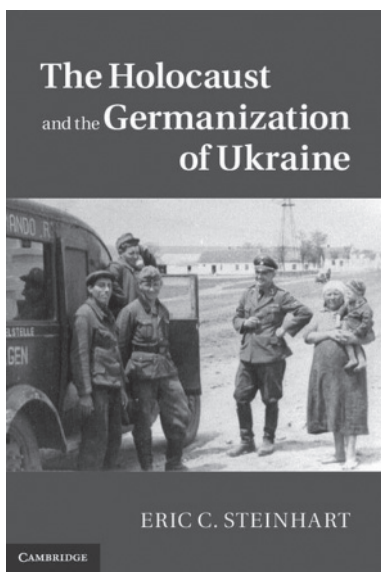

РЕЦЕНЗІЇ

ВЛАДИМИР СОЛОНАРЬ

Steinhart Eric C. The Holocaust and the Germanization of Ukraine. – New York: Cambridge University Press, published in association with the United States Holocaust Memorial Museum and German Historical Institute, 2015. – XI, 263 pp.

Ета книга посвящена одному из самых шокирующих аспектов истории Холокоста – превращению «обычных людей» в чудовищ, в серийных убийц, прилежно выполнявших приказания по уничтожению беззащитных и, что должно было казаться очевидным, невинных гражданских лиц, включая женщин, стариков, детей.

Со времени опубликования ставшей уже классической работы Кристофера Браунинга об участии служащих немецкого 101-го полицейского батальона в уничтожении евреев Польши в 1942 г. дебаты среди историков об источниках и путях такой трансформации не утихают¹. В таком повышенном интересе нет ничего удивительного, поскольку само признание, что чудовищные преступления совершали не только

¹ *Browning Ch. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. – New York: HarperCollins, 1992.*

фанатичные расисты, клинические психопаты и бесчувственные бюрократы, но и самые что ни на есть «простые люди», заставляет нас осознать колоссальный потенциал зла, заключенного в человеческой природе. Когда и при каких условиях человек – более или менее нормальный, обычный человек, в конце концов, любой из нас – может совершить чудовищные злодеяния, – это вопрос колоссальной моральной и социологической важности.

Историки предложили несколько ответов. Некоторые подчеркивают роль фактора идеологии и, в частности, антисемитизма. В нашумевшей книге Даниеля Гольдхагена главной причиной Холокоста была объявлена предвоенная немецкая культура, пронизанная, как утверждал историк, антисемитизмом в его самом радикальном варианте, усматривавшем в самом существовании евреев источник вселенского зла. Соответственно, уничтожение евреев представлялось необходимым и благородным делом². Браунинг, как известно, предположил, что роль конформизма, страха выделиться из коллектива и показаться слабаком и даже предателем своих товарищей, выполнявших грязное дело как часть своих обязанностей, были куда важнее для немецких полицейских 101-го батальона, чем идеология в ее «чистом» виде. Другие исследователи предлагают учитывать также фактор коррупции и желание обогатиться за счет жертв, особенно когда речь идет о низовых исполнителях, ситуация которых часто была весьма тяжелой в материальном и неопределенной в статусном смысле, как, например, «щуцманы» на советских оккупированных территориях. Большинство историков указывают, что, скорее всего, сочетание этих и других факторов объясняет участие «рядовых» людей в из ряда вон выходящих преступлениях³.

Один из наиболее талантливых учеников Кристофера Браунинга, Эрик Стайнхарт (докторская диссертация которого получила в 2011 г. престижный приз Ассоциации друзей Германского исторического института как лучшая диссертация по немецкой истории,

² *Goldhagen D. J. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust.* – New York: Knopf, 1996.

³ Более подробное изложение имеющихся точек зрения см. в: *Szejnmann C.-Ch. W. Perpetrators of the Holocaust: A Historiography // Ordinary People as Mass Murderers / Eds. O. Jensen and C.-Ch. W. Szejnmann.* – New York: Palgrave MacMillan, 2008. – P. 25–54, esp. 42–43.

защищенная в том же году в Северной Америке), сконцентрировался на изучении трагедии и преступлений этнических немцев на территории так называемой Транснистрии, то есть части Юго-Западной Украины, которая в 1941–1944 гг. находилась под румынской оккупацией. По иронии судьбы, именно здесь, в румынской зоне оккупации, проживало самое значительное сообщество этнических немцев на оккупированных советских территориях – около 130 тысяч человек, в основном сельских жителей, населявших порядка 200 сел и поселков, в которых они обычно составляли подавляющее большинство. Когда в конце 1941 г. Гиммлер направил зондеркоманду R во главе с оберфюрером СС Хорстом Хоффмайером с целью организации и «перевоспитания» советских фольксдойче (*Volksdeutsche*), Хоффмайер создал специальный штаб по Транснистрии во главе со своим заместителем оберштурмфюрером СС д-ром Клаусом Зибертом в колонии Ландау (ныне с. Широколанівка Николаевской области). Из 200–250 членов зондеркоманды R Хоффмайер оставил примерно половину в Транснистрии, а остальные проследовали с ним дальше на другие оккупированные советские территории. Зондеркоманда R в Транснистрии немедленно приступила к «организации» местных немцев, одним из аспектов которой было создание отрядов самообороны (*Selbstschutz*), которые в большинстве немецких поселений включали всех мужчин призывного возраста. Именно эти отряды стали зимой 1941–1942 гг. и весной – летом 1942 г. основным резервом палачей, регулярно используемым для уничтожения сотен и тысяч евреев, как местных, так и депортированных из восточных и других провинций Румынии.

Одним из основных тезисов Стайнхарта является тот, что использование местных немцев в целях массового уничтожения евреев не было первоначально запланировано нацистским командованием, и даже начальники из зондеркоманды R не ожидали, что им придется выполнять такую роль. Стечение целого ряда непредвиденных обстоятельств, среди которых важнейшими были: скопление огромного количества евреев в гетто и лагерях; нехватка ресурсов для их содержания и борьбы с эпидемией тифа, которая вспыхнула там вследствие нечеловеческих условий содержания и отсутствия средств элементарной гигиены и дезинфекции; страх, что эпидемия распространится за пределы гетто и лагерей и пере-

кинется на нееврейское население и самих оккупантов, – и привели к такому исходу. Значительная часть книги Стайнхарта посвящена прояснению того, как такое решение было принято. Следует отметить, что задача эта гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд, так как многие решения такого рода принимались румынами и немцами на закрытых совещаниях, в ходе которых протоколы не велись. Это обстоятельство вынудило Стайнхарта полагаться на свидетельства очевидцев и участников событий, в основном самих военных преступников, данные ими во время послевоенных расследований их преступлений, а также на такие сведения, как журналы аудиенций нацистских лидеров и регистры поездок Хоффмайера в Рейх. И все же, хотя источниковая база монографии объективно ограничена, реконструкция, предложенная в ней, выглядит весьма убедительной. Здесь Стайнхарт с успехом применил ту методологию исследования процесса принятия решений относительно так называемого окончательного решения еврейского вопроса в нацистской Германии, одним из основных авторов которой является его наставник Браунинг.

Примерно половина книги посвящена механизму трансформации фольксдойче в военных преступников или «создания убийц» – так звучит название докторской диссертации Стайнхарта, которая легла в основу этой монографии. Исследователь анализирует такие аспекты проблемы, как глубоко травматический опыт советского периода и его последствия. В межвоенный период фольксдойче пострадали от советских властей больше других этнических групп, во-первых, потому, что как более материально благополучная часть населения рассматривались как «социально чуждые», а во-вторых, потому, что в 1930-е годы они считались представителями потенциально враждебной национальности. Стайнхарт также показывает, как жесткое, авторитарное управление зондеркоманды R могло еще больше деморализовать и запугать немцев Транснистрии. Члены зондеркоманды не гнушались применением смертной казни по отношению к тем фольксдойче, которых они считали «продавшимися коммунистам», а также физических наказаний к местным жителям, не проявлявшим достаточного рвения в служении национал-социализму и его представителям. Последняя глава книги посвящена попыткам объяснения мотивов, которые побудили большинство мужчин этой национальной общины без сопротивления и

даже часто со рвением участвовать в массовых казнях. Подобно Браунингу, Стайнхарт не считает, что сам по себе антисемитизм – наличие которого он не отрицает – мог быть достаточной причиной участия в столь чудовищных преступлениях. Как и большинство других исследователей, он отводит роль и конформизму, и меркантильным интересам (палачи получали одежду жертв в качестве компенсации за проделанную работу), но он в особенности подчеркивает то, что называет травматическим опытом советской жестокости, который морально дезориентировал, озлобил местных немцев и подготовил их к участию в массовых преступлениях как «нормальному» или, во всяком случае, «неизбежному» аспекту государственного строительства в современную эпоху (см. особенно с. 213).

Насколько убедителен этот вывод Стайнхарта? Ответ, наверное, будет зависеть от читателя этой полезной и нужной книги. Я, со своей стороны, нашел его вполне убедительным. Однако следует иметь в виду, что такого рода реконструкции не могут быть математически точными, прежде всего в силу недостаточной надежности первоисточников. Насколько достоверны показания преступников на послевоенных допросах, как в связи с их заинтересованностью скрыть компрометирующие обстоятельства, так и вследствие хрупкости человеческой памяти? Этот последний вопрос-сомнение может быть по праву отнесен и к показаниям других свидетелей преступлений. Обычный ответ состоит в том, что если данные независимых источников сходятся, то такую информацию можно считать точной. Однако такой критерий не всегда применим, особенно когда речь идет об исследовании побудительных мотивов преступников. В таких случаях исследователи должны подчас полагаться на свою интуицию, относительно которой всегда остается обоснованное сомнение. С другой стороны, введение в оборот новых источников, новых массивов свидетельских показаний может высветить новые факты и заставить пересмотреть или подкорректировать выводы. Реконструкция Стайнхарта основана на огромном массиве немецких источников, в основном допросов подозреваемых и свидетелей преступлений. Хотя он использовал также советские и румынские источники, но в гораздо меньшей степени. Однако их более систематическое привлечение позволило бы ему сделать вывод, что некоторые немцы – члены самообороны

отказались стрелять в беззащитных, но при этом не понесли наказания со стороны эсэсовского начальства, за исключением выговора и исключения из отряда⁴. Если это так, то не следует ли допустить большую свободу их выбора, а также разнообразия их идеологических убеждений и этических принципов – или их отсутствия?

Конечно, на этот и другие подобные вопросы не может быть однозначного ответа, и я далек от мысли упрекать Стайнхарта в том, что он его не дал. Скорее, сам факт, что его книга подталкивает к продолжению разговора на тему о «создании убийц» из местного населения – помощников оккупантов в осуществлении Холокоста, свидетельствует о ее своевременности и высоком научном качестве.

⁴ Более подробно см. обсуждение этих свидетельств и вытекающих из них выводов: *Solonari V. Hating Soviets—Killing Jews: How Antisemitic Were Local Perpetrators in Southern Ukraine, 1941–42? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2014. – Vol. 15, No. 3. – P. 505–533.